

С. Б. Радзиевская

ОСТРОВ МУЖЕСТВА

Ключ к приключениям

Софья Радзиевская

Остров мужества

Издательство "Руда"

1972

УДК 82.31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Радзиевская С. Б.

Остров мужества / С. Б. Радзиевская — Издательство "Руда",
1972 — (Ключ к приключениям)

ISBN 978-5-6044143-3-0

Повесть о славных промысловиках и северных мореходах. Быль, полная отваги и опасности, суровых испытаний и подвигов. Это правдивая история невероятных приключений четырёх поморов, случившаяся в 18 веке. История борьбы за жизнь и спасения. Шесть долгих лет выживания на необитаемом в ту пору грозном полярном острове Грумант (Шпицберген). Настоящая робинзонада. Для широкого круга читателей.

УДК 82.31
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6044143-3-0

© Радзиевская С. Б., 1972
© Издательство "Руда", 1972

Содержание

Введение	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Софья Борисовна Радзиевская

Остров мужества

Введение

Смелые русские промысленники – поморы с севера русской земли, уже несколько сотен лет назад, не боясь опасностей, уходили в море ловить рыбу, бить тюленей, моржей. Иногда добирались они и до дикого заполярного острова Шпицбергена (поморы называли его Грумант). Там в то время водились во множестве моржи и тюлени. Поморы уходили на больших лодках – карбасах, с вёслами и парусом из оленьей кожи. Трудна и опасна была их жизнь.

В 1797 году, около 200 лет назад, вышел в море на охоту за морским зверем такой карбас. Кормчим на нём был опытный моряк Алексей Химков. Взял он с собой, в первый раз, сына подростка Ванюшку. Случилось так, что их карбас захватила осенняя поздняя буря и занесла к самому Шпицбергену. Шесть долгих лет они прожили на острове и вернулись домой. Об их трудной жизни, опасных и удивительных приключениях рассказано в этой повести.

Глава 1

Вперегонки со смертью

Не понять было, где кончается край земли и начинается море: лёд у берега и берег – всё было покрыто снегом. Мутное небо казалось чуть темнее белой земли, на нём еле видно солнце – беловатый без блеска кружок. Недалеко от берега, под навесом скалы, стоит маленькая, тоже засыпанная снегом избушка. На бревенчатой крыше тяжёлые камни, чтобы не унесло её бурей. Дверь низкая, не нагнувшись – не войдёшь, но снегу около неё было мало: скала с этой стороны хорошо защищала избушку от ветра.

Около избушки вдруг что то шевельнулось – белое, большое. Блеснули две чёрные точки – глаза, между ними третья – нос: они только и заметны на белой узкой голове.

Медведь шёл уверенно, видно, не первый раз обходил избушку, хоть жилым духом от неё не пахло, кто знает, куда делись её строители, не лежат ли здесь, в мёрзлой холодной земле?

Медведь встал на задние лапы, головой достал до крыши. Опустился, лапой скребнул оконце без стекла, маленькое, изнутри задвинутое доской. Затем провёл лапой, точно почесал, у себя за ухом и вдруг... живо повернулся к морю, да так и застыл. Там, в мутной дали, двигались люди. Их было четверо; они шли, прыгая с одной льдины на другую. Идти было опасно: легко соскользнуть в воду, а льдины качнутся, соединятся, и не станет ни разводья, ни человека. Но люди шли смело, держась за верёвку, которой накрепко связались друг с другом. Если один поскользнётся, провалится – другие его за верёвку вытянут. Так бежали они всё ближе к берегу. Знали: если дойдут – спасутся!

Медведю не видно было, что дальше от берега, куда не хватает его чутья и слуха, между льдинами стояло судно – карбас, такой маленький в ледяной пустыне. Зима захватила его в пути, льды затёрли, домой в Архангельск ему не добраться. Не знал медведь, что эти четверо решились пойти на разведку: если цела на берегу старинная избушка – все люди с карбаса в неё переберутся зимовать. Карбас сейчас в большой опасности, давят, режут ему бока острые льдины. И надо торопиться. Медведь людей ещё в жизни не видел. Сытый на них и не подумал бы охотиться: с него довольно морского зверя. Но вот он переступил с ноги на ногу и стало видно: хромает. Неизвестно, где и как повредил переднюю ногу. Хромому морской зверь – трудная добыча. Голод томил его, бока впали, живот поджат: такому всё живое годится, лишь бы добраться, зацепить острыми чёрными когтями на здоровой лапе. Может быть, эти незнакомые – лёгкая добыча?

Медведь тихо прорычал и притаился за высоким камнем, покрытым снегом, белым – под цвет его шкуры. Ждал. Он понимал: люди, если доберутся до берега, обязательно пройдут мимо этого камня. Медведь ещё раз высунулся, нервно зевнул во всю пасть и опять затаился. Ждать он умел.

Люди подходили всё ближе к твёрдому льду у самого берега. Но ветер вдруг рванулся с моря на землю, и тут же страшный грохот заглушил его свист. Весь лёд пришёл в движение: разводя сомкнулись, поднялась белая ледяная стена и с грохотом двинулась к берегу. Льдины, точно живые, карабкались друг на друга, боролись, падали. Люди, не глядя под ноги, бежали к берегу изо всех сил, снег слепил глаза, а белая стена всё росла и неслась за ними по пятам, забирая все встречные льдины... Вот вот догонит и обрушится...

Может быть, люди кричали, но слышать друг друга не могли. Однако в отчаянном беге они не бросили верёвки, за которую держались, и потому не потеряли друг друга. Вместе они выбрались на плотный лёд и, задыхаясь, добежали до берега, вскарабкались на него. А ледяная стена, немного их не догнав, остановилась, наклонилась и рухнула.

Всё исчезло в непроглядном вихре. Держась окоченевшими руками за верёвку, спотыкаясь, люди один за другим шли мимо камня, за которым ожидал их медведь. Он мог бы лапой достать до каждого. Но ярость бури испугала даже зверя. Пятясь, он втиснул грузное тело в расщелину между глыбами камня, лапой прикрыл чёрный нос и прижмурил глаза. А люди шли всё дальше и вдруг остановились поражённые: вой бури смолк так же внезапно, как начался. Крутящийся снег опустился, лёг на землю, и в полутьме явилось перед ними то, на что они надеялись: маленькая, засыпанная снегом, избушка. Это была удивительная случайность, почти чудо: они в слепом беге вышли на берег именно в этом месте и не прошли мимо избушки, полускрытой скалой. Но люди слишком измучились, чтобы удивляться.

– Дошли! – сказал передний, точно это так и должно было случиться. Остальные молчали: на слова не хватало сил.

Ещё несколько спотыкающихся шагов – и тяжёлый деревянный засов на двери отодвинулся от слабого нажима руки, словно его двигали каждый день. Вторую дверь, из сеней в избушку, открыли в темноте на ощупь. Сделав три шага, наткнулись на нары, повалились на них, да так и остались лежать.

Кто из людей перед этим догадался захлопнуть дверь в сени, задвинуть тяжёлый засов и этим спас всем жизнь – этого потом они так и не могли вспомнить.

Глава 2

Медведь пропустил ужин и пришёл за завтраком

В темноте избушки было не разобрать, начался ли день. Но холод, всю ночь пробирающийся в усталые тела, наконец, сделался сильнее усталости и разбудил людей. Раздался вздох, сдержанный стон... Нелегко просыпаться в заледенелой одежде, в мокрых сапогах, когда всё тело жалуется, просит тепла.

– Оконце то есть ли? – проговорил кто то, и слышно было, как, нащупывая, провёл рукой по стене. – Есть, нашёл!

Доска зашуршала, отодвигаясь, в избушке посветлело, но стало ещё холоднее: стекла в окне не было, и морозный воздух волной прокатился по полу.

– Собираться надо. Наши на карбасе заждались, – сказал, видимо, старший, низким сильным голосом. Поднимаясь с нар, он выпрямился и почти достал головой до крыши: потолка у избушки не было.

Это был кормщик с карбаса. Его плечи по ширине казались под стать росту, полушубок будто невелик, а кому другому сгодился бы на целую шубу.

– Поднимайтесь, ребята, – повторил он негромко. Но было видно, кормщик привык, чтобы слушались его скоро. – Ванюшка то, стало быть, вовсе замёрз, – договорил он мягче.

– Мало мало замёрз, тятя, – отозвался детский голос.

Мальчик лет десяти проворно соскочил с нар. Лицо его было обморожено, кожа стянулась и потемнела, как и у взрослых, но большие глаза смотрели ещё по детски доверчиво, а обветренные губы вот вот готовы были улыбнуться. Он посмотрел на отца и, правда, чуть не улыбнулся, да вовремя сдержался: не такой обычай у поморов, отец – старшой, не ровня мальчишке, с ним шутки шутить не положено.

– Замёрз, тятя, – повторил он уже степенно, как полагается. – Руки вот в рукавицах позастили, в них и ночевал. Помахаю, живо разогреюсь.

Проворно скинув рукавицы, он дунул на пальцы и широко взмахнул руками.

– Вот и добро, – отозвался отец, наблюдая за ним с видимым удовольствием. – Не та спина у груманланов, чтоб бояться океанов, верно я говорю? – пошутил он, вспомнив старую поморскую поговорку.

– Верно, – откликнулся мальчик и просиял в улыбке, видно, только и ждал отцова одобрения. – А ну, глянь, я ещё и не так могу...

На этот раз руки его размахнулись так широко, что сбили шапку с головы медленно поднимавшегося с нар человека. Тот сердито крикнул, одной рукой подхватил шапку, другой так толкнул мальчика, что тот пошатнулся, едва удержался за стенку.

– Ой! – охнул он и схватился за грудь.

А человек, усевшись на краешек нар, глубоко нахлобучил шапку на голову и остался сидеть, уставившись сердитыми маленькими глазками на какую то точку в полу.

– Размахался, словно с радости, – проворчал он раздражённо, – нашёл чему радоваться. Ступай на волю, да там и выламывайся.

– Я не понарошку, дядя Фёдор, не сердчай, – смущённо отозвался мальчик. Но на волю выходить не собирался. Тихонько потирая застывшие пальцы, он теперь не сводил глаз с кудрявого высокого парня, чуть пониже самого кормщика. Едва поднявшись с нар, тот живо схватил лежавшее рядом ружьё, любовно, точно за ночь о нём соскучился, погладил длинный ствол, из за пазухи вытащил маленький кожаный мешочек.

– Руки завязки не держат, шибко замёрзли, – пожаловался он, – а ну спробую. Ванюшка, ступай на подмогу, ремешок затянулся, развяжи.

– Я сейчас, Стёпа, – заторопился мальчик. – А ты на пальцы подуй, подуй, вот как я.

Он старательно захлопотал около мешочка, по ребячьи обрадовался, когда удалось развязать затянувшийся ремешок.

– Держи кремень то, – торопил он. – А кремень – гляди, от пазухи ещё тёплый, ставь, покуда не застыл.

– И вправду, помощник, – усмехнулся Степан. – Гляди, сейчас порошу на полку подсыпем сухого, а вот и...

Он взвёл курок тяжёлой пищали, вынул из раструба курка кремень, вставил другой, что из мешочка достал.

– На что балуешься, Степан, – проговорил старший укоризненно, – порох без расчёту тратишь. Не на промысел ведь идём.

– Сготовиться надо, – весело отозвался Степан, старательно зажимая кремень винтом. – Земля чужая, неведомо кто нас с порога приветит. Тогда не время будет порох на полку подсыпать. Я...

Но тут в сених послышался странный звук, словно кто то с силой рванул дверь, стараясь её открыть. Ещё раз! Все насторожённо прислушались.

– Ванюшка, – тихо сказал отец. – Ну кось отвори. Степан, и вправду, сготовься!

Ванюшка проворно шагнул к двери, отодвинул тяжёлый засов, но тут же пулей отлетел в сторону. Дверь распахнулась, отбросила его и ударилась о стенку со страшной силой, а в просвете, целиком его заслоняя, стала огромная белая туша. Медведь! Вчерашняя вечерняя буря утихла, но медведь из за неё упустил ужин. Теперь он пришёл за завтраком.

Казалось, его удивило количество людей в избушке. Маленькие чёрные глазки забегали с одного на другого, как будто затрудняясь – с которого начинать. Неожиданно медведь широко открыл пасть и протяжно зевнул, точно с издёвкой. Ванюшке на всю жизнь запомнилось: один

клык огромный, жёлтый, а другой сломан, под самый корень. Минутная задержка, но люди успели прийти в себя. Кормщик медленно, осторожно завёл руку за спину, потянул лежавший на нарах топор.

– Степан, – тихо проговорил он, – в глаз цель, а я по загревку...

Медведю не понравился человеческий голос: он глухо прорычал и пригнулся, задние ноги подобрал под себя, готовясь к прыжку. Выстрел в избушке оглушил всех, в то же мгновение топор мелькнул в воздухе и глубоко врубился в мохнатый затылок. Медведь попытался подняться на дыбы, но осел и повалился на бок, загородив огромным своим телом выход из избы. Копи страшных лап, вытянутых в последней судороге, почти дотронулись до людей, сбившихся в тесную кучу у самых нар. Так стояли они долго, наконец, кормщик шагнул, с трудом вытянул топор, плотно засевший в разрубленной шее.

– По чью то душу приходил, – вымолвил он. Всегда спокойный его голос слегка дрогнул, на минуту он прикрыл глаза рукой, отнял её и сказал уже так, будто ничего особенного и не случилось. – А ну, помогай тащить, ребята, а то к двери проходу не стало.

Но и всем вместе едва удалось сдвинуть к стене огромную тушу и освободить проход к сеним. Ванюшка нерешительно протянул руку, посмотрел на свои пальцы и на кривые страшные когти, убрал руку, вздохнул.

– Померялся? – спросил Степан. – Сколь тебе ещё расти, покуда у тебя когти на руках вырастут с этими вровень? Струхнул, чай, здорово?

Он говорил весело, с шуткой, но дышал неровно. И было с чего. Степан молод годами, а охотник бывалый, но медведя в избе и ему бить не доводилось.

– Аж сердце зашло, – искренне ответил мальчик и тут же повернулся, посмотрел на отца – ладно ли сказал. Но тот спокойно кивнул головой.

– У каждого, небось, сердце зашло, – сказал он. – А своё, что требовалось, сполнили.

Степан покраснелся от радости, понял: кормщик на похвалу скуп, и от того похвала его была вдвое дороже. Фёдор ничего не сказал, только угрюмо покосился в его сторону.

– Поспешать надо, наши заждались, – поторопил кормщик.

С невольной оглядкой они прошли мимо неподвижной туши в сени и дальше. Выйдя из избушки, Степан старательно задвинул тяжёлый засов.

– Неравно без нас другой пожалует, – побежал он вдогонку за товарищами, но вдруг вскрикнул так, что все остановились: – Чего следы говорят то: тут он, за камнем, у самой избы лежал, как мы ночью мимо шли. И как никого не ухватил!

– Буря помешала, – отозвался кормщик и снова двинулся по тропинке. – Залегает он в бурю. А то бы мы кого не досчитались.

– Видать, и буря на пользу бывает, – рассудил Степан. – А вот наши...

Но тут он остановился и замолчал. Остановились и остальные: они дошли уже до самого берега. Ночная буря, переменив направление ветра, отогнала от земли плавучие льды. Угрюмое и пустое лежало перед ними море, карбас с товарищами бесследно исчез.

Ванюшка уронил рукавицу, да так и стоял, забыв поднять её.

– Тять, это что же? – спросил он дрожащим голосом. – Тять, а наши куды подевались?

Кормщик долго молча смотрел, прикрывал глаза ладонью, но на всей поверхности моря, свинцовой и холодной, видны были лишь отдельные редкие ледяные глыбы.

– Может, буря им, и правда, на пользу была – до дома доберутся, – медленно проговорил он. – А может, и погибель в ней нашли. Только нам, стало быть, теперь одним зимовать доведётся.

Долго стояли они на берегу, теплилась надежда: вот завидится на горизонте ровдужный¹ парус, приплывёт карбас с товарищами. Но волны катились угрюмые и пустые, точно ничего

¹ Выделанный из оленьей кожи – ровдуги.

вчера не было: ни карбаса, ни бури, ни ледяной стены, что догоняла их, как живая, а теперь рассыпалась на берегу ледяными грудями и лежит спокойно, словно век так лежала.

– Ждать не приходится, – заговорил наконец Фёдор. – День короткий, дров припасти надо засветло. Солнышко – вот оно, к покою добирается...

Дерева всякого на берегу валялось много – нанесло его течениями от других далёких, лесных берегов. Оставалось натаскать побольше к избушке да в сени, чтобы на двор зря не идти, не студить избы и не попасть в лапы медведю: может, ещё завернёт какой на дымок к избушке.

– И впрямь, домой поспешать надо, – согласился кормщик. «Домой» выговорилось так просто, что всем показалось так и надо. Где же им и дом теперь, как не в этой избушке?.. Вся их надежда тут.

Ванюшка хлопотал не меньше других, таскал к избушке тяжёлые, еле под силу, куски дерева. Отворачиваясь тихонько вытирал непослушные слёзы: щёки от них мёрзнут, а уж если Стёпка пересмешник увидит – проходу не даст. «Просился, скажет, в зуйки², а самому дома бы на печке сидеть».

Но слёзы не слушались, бежали и бежали. Ещё бы: на карбасе пропал другой зуёк, сердечный друг Микитка. С ним и зимовать бы весело. А тут – всё большие мужики остались...

Работали усердно, не жалея рук. Но то и дело ктонибудь выбежит на берег, постоит, прикрыв глаза рукой, каждую точку на море просмотрит и, опустив голову, возвратится к избушке. Зачем ходил— никто не спрашивал. Всем и так было понятно.

² Мальчик, которого берут в плаванье, чтобы приучить к морскому делу.

Глава 3

С каким припасом зимовать будем?

Горе пуще всего крушит человека при безделье. А зимовщикам бездельничать было некогда: заботы торопили от одного дела к другому. Алексей, кормщик, это понимал, потому зорко следил, чтобы времени на горе днём меньше оставалось, а ночью сон поможет – от думы избавит. Работа шла ходко: шкуру с медведя сняли, мясо вынесли в сени, плавник, что с берега натаскали, сложили ровно у стенки. Далеко не ходить и от ветра защита.

– Без запаса нельзя, – приговаривал кормщик, – погода навернётся такая, что не только к морю, а из избы носа не высунешь.

Последний раз они со Степаном пошли к морю вдвоём. Ванюшке отец наказал при Фёдоре на хозяйстве оставаться, печку топить, обед готовить. Ванюшка загоревал, но спорить не посмел.

Фёдору по душе было дома оставаться, хоть в дыму, да в тепле. Однако по привычке, как всегда, нахмурился, пока брови на переносице не сошлись.

Ванюшка так и подумал, глядя на Фёдора: «Куда он ещё брови сдвинуть словчится?»

– Тебе что? Работы нет? – заворчал Фёдор. – Видишь, пока дрова прогорят, дым выйдет, дверь закрывать нельзя. Ты у порога стань, да гляди зорче, как мясо жарить стану – не дай бог ошкуй³ набежит, мясной дух учует. Приметишь – живо дверь на засов закрывай. Отсидимся, покуда Стёпа с пищалью на выручку поспеет.

У Ванюшки от таких слов сердце заколотилось, но и тут он послушаться не посмел: стал у двери, рукой за засов держится, а голову то направо, то налево повернёт, аж шея заныла и глаза заломило.

– Ошкуй что кошка, тишком подберётся, – крикнул Фёдор из избы напоследок.

Хоть бы не говорил! Ещё страшнее стало. Вспомнил, как Степан рассказывал: «Ползёт ошкуй, чёрный нос лапой прикрывает, сам белый и снег белый – как его углядишь?»

И обрадовался же Ванюшка, когда отец со Степаном на тропе показались. Тут только почувствовал: замёрз здорово, ног не чует.

– Нароботались мы, Стёпа, – сказал Алексей. – На сегодня будет.

³ Белый медведь.

Сбросив последнюю ношу, они вошли и остановились у порога. Ванюшка поспешил за ними. Дрова в печке уже прогорели, дверь закрыли. Ещё припахивало дымом, но от душного тепла словно домашним уютom повеяло, и от того посветлели суровые лица поморов.

– Спасибо, Федя, – ласково проговорил кормщик, – приютит ты наше зимовье, а где тепло да сытно, там беда не живёт. Собирай на стол, что бог послал.

С голоду почти не заметили, что медвежати́на не солёная и подгорела на угольях. Из котелка, что кормщик на счастье прихватил с карбаса, напились горячей снеговой воды, согрелись.

Молодые ждали: какой разговор поведёт кормщик.

Теперь, когда дневные дела закончили и голод приглушили, на душе особенно стало тоскливо.

Старший немного помедлил, говорить не начинал, глядя на него и остальные молчали. Алексей Химков много лет уже ходил на карбасе кормщиком добывать морского зверя, а такая лихая беда случилась с ним в первый раз. И надо же было: взял в плаванье меньшого сына, Ванюшку, хотел приучать к морскому делу. Остальные двое тоже молоды, тоже глядят на него с надеждой – нельзя ему, старшему, голову вешать, духом пасть. Алексей затаил в груди вздох и выпрямился.

– У кого какой припас есть, выкладывай, – проговорил он так спокойно, точно сидел в своей избе на лавке. – Поглядим, чем на всю зимушку богаты будем. Духом крепче держитесь. Четверо нас, не в одиночку бедовать.

Он первый вытащил из за пояса топор, положил на стол, за ним кремень, огниво и нож в крепких кожаных ножнах.

– Нож и у меня есть, а боле ничего нет, – проговорил Фёдор хмуро, но, положив нож на стол, с удовольствием его оглядел. Нож, и правда, был хоть куда: рукоятка медная, при ножнах кольцо тоже медное, к поясу привешивать. Ванюшка на него загляделся: у отца и то не такой ладный.

Степан живо повернулся, вытянул из за спины с нар своё ружьё, положил на стол, любовно провёл рукой по стволу, словно кого живого приласкал, такая у него была привычка.

– На счастье ты его с карбаса захватил, – кивнул Алексей. Кабы не оно – может, мы бы сейчас тут не сидели.

– А наметил то как! Прямо в глаз! – не удержался Ванюшка и вспыхнул в смущении: ведь к большим в разговор ввязался.

– А чего же не попасть, когда он сам мордой на пицаль налез, – отшутился Степан. Но тут же вздохнул, покачал головой. – Припасу поболее взять надо было. Не думалось, что карбаса нам не видать.

В роговой пороховнице пороха оказалось на двенадцать зарядов и столько же пуль самоделок в кожаном мешочке у пояса.

Ванюшка заморгал было глазами, да вовремя покосился на Степана, сдержал слёзы.

– Тять, – робко проговорил он. – А у меня и вовек ничего нету. Я чего же буду делать? А?..

– Пасти⁴ на ошкуев ставить, – весело подмигнул ему неугомонный Степан. – Их здесь видимо невидимо, как курей. И ходить далеко не придётся, сами в избу просятся. Благодать!

– Не болтай лишку, – недовольно остановил его Фёдор. Одной беды посбылись, гляди, другой не накличь.

Степан взглянул на Фёдора, но смолчал, хоть и далось ему это нелегко: по живости своей он с трудом старался сидеть за столом спокойно. Фёдор давно ему досаждал. «Ему и при солнышке день тёмный», – досадливо подумал он.

⁴ Ловушка на песцов, но не на медведей. Здесь шутка Степана.

В избе потеплело, все сняли шапки и верхнюю одежду. Стало видно, что у Степана волосы завиваются задорными колечками. От этого он казался чуть не ровней Ванюшке, хоть и был на десяток лет старше. И глаза карие с золотинкой, в них весёлая смешинка прячется. Степан славился удалью и меткостью стрельбы, любил при случае и прихвастнуть. Но сейчас хвастовства на требовалось, всем видно: огромная медвежья шкура закрывала нары и ещё на пол краем свешивалась.

– Нож ещё вот, – спохватился Степан и отцепил от пояса ножны не хуже Фёдоровых. – Без ножа человеку, пропасть, – договорил он. – Правда, Ванюшка?

Ванюшка досадливо мотнул головой, даже губу закусил от обиды. «И надо ему душу бередить. Ишь, дразнится, знает ведь, у меня...» Но тут Ванюшка даже в мыслях споткнулся: это что ж Степан делает? Говорит, а сам рукой чего то шарит за пазухой. Достал... на стол кинул... Ой!

Ванюшка и дышать перестал, а Степан, улыбаясь, говорит:

– Хватай живее, а то назад заберу, коли тебе не требуется.

А на столе лежит... ещё нож, другой, не в такой богатой оправе, всё ж настоящий, охотничий.

Ванюшка медленно протянул руку, а сам не оторвётся от Степановых глаз.

– Стёпа, – сказал тихо с трудом, – неужто, правда, мне даёшь?

– Кривда – засмеялся Степан. – Бери, говорю, теперь ты грумманлан настоящий.

– Спасибо, – только смог выговорить Ванюшка и так стиснул рукоятку ножа, что даже пальцы побелели.

– Спасибо, Стёпа, – сказал просто и кормщик. – Ведь не подумал я и ему нож захватить.

– Обрадовались, – пробурчал Фёдор. – С таким богатым припасом что делать то будем?

Брови кормщика чуть заметно сдвинулись. Фёдор и в удачливый год хмурый, туча тучей ходит, смеха от него никто не слышал. А теперь и вовсе тоску нагонять станет. Но сказал только:

– Держись, Фёдор, море, оно слабодушных не любит. Уразумел?

Фёдор угрюмо покосился на кормщика, буркнул неохотно:

– Уразумел. – И отвернулся.

Степан не вытерпел:

– Что делать будем? А олешков бить. Их тут, должно, тоже невидимо. И непуганые они, потому тут безлюдно. С моим припасом дюжину достану. А там оглядимся – что дальше делать.

Строгие глаза Алексея потеплели: этот головы не повесит и других утешит.

– Добро, – проговорил он. – Коли так, ты завтра на промысел ступай, поглядим, сколь олешков достанешь. А нам с Фёдором шкуру надо до пути довести, чтобы не пропала. Добро с ней, не на голых досках спать.

– Вчера, чай, доски мягче пуха были, – шутил Степан, укладываясь на нары. – Ванюшка, иди ко мне под бочок, коли ещё ошкой в избу залезет, чтоб с тебя починал.

– Сказано, не трепли языком, бестолковая голова, – сердился Фёдор. – К ночи дело, а он беду накликает.

Степан промолчал, вскоре послышался его храп. Поворочавшись, заснул и Фёдор. Лишь тихо лежал Алексей. К нему сон не шёл. Каждому за себя забота, а ему – за всех. И за тех, кого унесло на карбасе. Кто знает, какую судьбу им море сготовило? Но горевал он тихо, чтобы других не будить, пока сон не сморил и его.

Доска задвижка у окна скрипнула, чья то рука её отодвинула. Бледный утренний свет нехотя заглянул в избу зато мороз проворно просунул за ним мохнатые белые лапы: стена около окна сразу засеребрилась пушистым инеем. На нарах недовольно заворчали: кому вздумалось холоду напускать, или в избе своего не хватает.

– Вставай, ребята. Печку я затопил, окна если не открыть – в дыму не продохнёшь.

С кормщиком не поспоришь. Три пары ног проворно сосунулись с нар на землю. Холодно, а всё не так, как вчера: шкура медвежья греет, и печка, какая ни на есть, дымит, а теплом помогает. Но поморы к этому привыкли: открыли оконце и сели на полу. Дым клубами стлался под потолком. Так можно было подождать, пока печка разогреется как следует и дрова прогорят, хотя першило в горле и глаза щипало до слёз. Кормщику пришлось хуже других: Степана ростом бог не обидел, а Алексей был выше его на целую голову, чуть головой в крышу не упирался. Даже сидя на полу, нагибался чтобы в самый дым головой не попасть.

По избе пошла сырость, с потолка закапала чёрная копоть. Копотью и жареная медвежатина припахивала, но на это никто не обижался. Зато вдосталь наелись, больше уж некуда было.

С медвежатинной расправились быстро: Алексей торопил, а зачем – сказать не хотел, лишь хитро усмехнулся. Наконец готово. Подпоясались, рукавицы натянули, хотя и не поздняя зима, а в этих краях мороз и осенью не шутит. Окно опять плотно доской задвинули: печной дым через него уж вышел, а тепло надо беречь. Шли по берегу, Фёдор, не торопясь, в развалочку а Степан с Ванюшкой от нетерпения бока друг другу протолкали, но со спросом не лезли, знали: кормщик, когда надо – сам скажет.

Прошли уже порядочно. Алексей подойдёт к куче плавника, посмотрит, головой качнёт и дальше шагает.

– Чего ему надобно? Ищет, словно чего потерял.

Это Фёдор поговаривает, негромко так.

Но вот Алексей остановился.

– Степан свою дюжину олешков промыслит, и боле пищаль его ни на что не сгодится, – сказал он. – А нам как дальше жить?

Все молчали, не отрываясь смотрели на него. Кормщик спрашивает, а сам, наверное, что то удумал.

– Стало быть, нам на дале новую охотничью снасть ладить надо, – договорил Алексей и ближе подошёл к куче плавника. – Деревя тут на всё найдётся: с елового, а ещё лучше с листовничного, корня лук согнём, палки, вот они, на стрелы пойдут, а покрепче – на кутела⁵ сгодятся да на рогатины, коли ошкуй встретится. Заживём – не пропадём.

– А мы с Ванюшкой пропадать и не думали, – весело отозвался Степан. – Правда, Ванюшка?

Ванюшка в ответ толкнул Степана в бок, глаза его сияли.

– Тятя что надо удумает, я знаю, – шепнул он. Один Фёдор недоверчиво покачал головой.

– А железа на стрелы да на кутела где возьмём? – сердито спросил он. – Палка без железа, палка она и есть, никакое не кутело и не рогатина.

– Правду говоришь, – согласился Алексей. – Для того я вас в этом месте и остановил, глядите!

Он нагнулся и с трудом вытащил из кучи плавника тяжёлый обломок доски. Большой железный гвоздь торчал в нём.

– Видали? Чужую беду нам море на спасение выкинуло. С обломков этих, что раньше карбасы были, железа наберём. С тем и олешков, и морского зверя промыслим. А может, и от ошкuya рогатиной отбиться доведётся. Ванюшка, ты чего это?

Ванюшка отошёл в сторону и стоял, опустив голову, молчал, точно и не он только что со Степаном радовался.

– Тятя, – заговорил он тихонько. – Сколь тут много карбасов загубленных лежит. Может, и нашего тут железа, от нашего карбаса наберём, а того не знаем...

Наступившее молчание прервал Степан.

⁵ Копья для охоты на морского зверя: тюленей, моржей.

– Нашего тут нет, – ответил он. – Мне тоже так подумалось, да разглядел я: доски, брусья – все старые, долго их море носило.

И много ещё не нашей работы. И тех жалко, кого не знаем, а про своих ещё надежда есть, может, и спасутся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.